Милена Завойчинская
Василиса Лисина ✶ Адриана Дари
Анна Одувалова ✶ Ирина Эльба
Татьяна Осинская ✶ Дарья Стасаль
Кира Крааш ✶ Светлана Томская
Анна Платунова ✶ Ника Ёри
Наталья Швейдер ✶ Марина Ефиминок
Александра Воронцова

Ведьма. Елка. Новый год

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В26

Иллюстрация на переплете *ZAPilim*

В26 **Ведьма**. Елка. Новый год. — Москва : Эксмо, 2027. — 416 с.

ISBN 978-5-04-248122-2

Все знают, что ведьмы к Новому году не относятся никак. Они не приносят подарков, не создают праздничное настроение, не исполняют желаний…

Или нет?

В этом волшебном сборнике собрались одиннадцать ведьмочек, случайно попавших перед праздниками в самые главные приключения в своей жизни! Пережидая непогоду, срезая ветви у ели и даже путешествуя во времени, все они исполнят свое самое заветное желание – встретят настоящую любовь.

Полночь приближается, всем целоваться!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Завойчинская М., текст, 2027
© Лисина В., текст, 2027
© Дари А., текст, 2027
© Одувалова А., текст, 2027
© Эльба И., текст, 2027
© Осинская Т., текст, 2027
© Стааль Д., текст, 2027
© Крааш К., текст, 2027
© Томская С., текст, 2027
© Платунова А., текст, 2027
© Ёрш Н., текст, 2027
© Шнейдер Н., текст, 2027
© Ефиминюк М., текст, 2027
© Воронцова А., текст, 2027
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2027

ISBN 978-5-04-248122-2

Милена Завойчинская

РАЗМОРОЗКА С ОСЛОЖНЕНИЯМИ

— Ило́на, смотри, что у нас есть! — заявила безо всякого приветствия Нади́н и поправила светлые кудряшки. Тут же повернула артефакт связи так, что изображение стало видимым мне. — Я в диком восторге!

— Ого! — выдохнула я, оценив ледяные скульптуры прямо посреди праздничного, богато украшенного зала.

Семья у Надин богатая, отец — сильнейший маг воды, востребованный специалист. Так что ничего удивительного в этом не было. Для семьи он часто делал на праздники ледяные скульптуры. Но тут просто превзошел сам себя. Рядом с огромной — до самого потолка — наряженной елью стояла целая композиция из разных животных. Тут и медвежонок, и лиса, и волк, и зайцы. И все это из чистейшего прозрачного хрустального льда.

— Очень красиво! — похвалила я. — Лорд Мирха́льд — настоящий волшебник.

— Да-а-а! Папа постарался. Влил в них море магии. Обещал, что они простоят все праздники. А мы с мамой нарядили ель. Видела, да? Боги, я в таком восторге! Ты когда приедешь? Я хочу тебе все показать.

— Я…

— А вы уже нарядили? А чем украсили? Покажи скорее!

— А мы…

— Я тебе самой первой похвасталась. Ой, у меня тут вторая линия замигала, наверное, это Мари́за. Чмок! Я ей тоже покажу сейчас. Созвонимся.

И Надин отключилась.

— Да-да… — кисло ответила я уже погасшему артефакту. — Очень красиво. Спасибо, что позвонила. А мы еще не нарядили… Ничем пока комнату не украсили…

Не то чтобы мы были сильно беднее семьи Надин. Но у нас не принято все делать с таким размахом и спускать столько денег на украшение дома к праздникам. Тяжело болела прабабушка, ежемесячно уходили большие суммы на ее лечение в специализированной клинике для пожилых выгоревших магов. Брат учился в дорогом университете. Мое обучение в академии тоже стоило недешево. А сестренке оплачивалась лучшая в городе школа для благородных девиц.

Поэтому каждый раз, взглянув на расценки украшений к празднику и на список обязательных трат на грядущую оплату нашей с братом и сестрой учебы, на счета из клиники, мы, не сговариваясь, заявляли родителям, что не хотим слишком много.

Мол, зачем? Мы же гостей не планируем приглашать. Наоборот, не знаем, как успеть совершить все те визиты, куда нас пригласили в родном городе и в обеих столицах, где мы с братом учились. Я в новой. Он — в старой. Так получилось. А на каникулы мы на несколько дней обычно приезжали к семье.

Собственно, все так было и в этот раз.

Естественно, уже стояла в гостиной свежая, большая, пышная ель. И сегодня вечером мы планировали все вместе ее нарядить. Игрушки у нас были старинные, передававшиеся из поколения в поколение, антикварные и нежно любимые. Но каждый год родители непременно покупали по три новые — чтобы каждый из детей повесил на елку свою.

И нашу коллекцию украшений я нежно любила. Такое щемящее чувство нежности и духа старины, когда знаешь, что вот эту игрушку держал в руках папа, когда был еще совсем малышом. А вот эту купили, когда деду-ле было два годика. Вон той — вообще двести лет.

Но меня сразила наповал ледяная инсталляция в доме Надин. Это же не очень дорого, если вдуматься. Нужно только влить побольше магии.

Или…

— Что у тебя с лицом? — спросил брат, войдя в комнату. — Ты так смотришь на елку, словно собираешься превратить ее во что-то другое.

— Ге́нри, что ты думаешь насчет ледяной скульптуры? — повернулась я к нему.

— Не-е, это без меня. Я маг огня, забыла?

— Да нет же. Не самим. Я тоже не смогу заморозить, у нас в семье нет магов воды. Но что, если?.. — Я посмотрела на него и выразительно поиграла бровями.

— С ума сошла?! — округлил он глаза и ошеломленно втянул в себя воздух. — Я в деле!

— Ма́гду берем?

— Конечно, берете. Куда? Когда выходим? — В комнату влетела наша младшая сестра.

У нас с Генри разница всего в год. Что не мешало этому негодяю вечно задирать нос, будто он старше меня

на столетие, и гнусаво говорить, что старших братьев надо слушаться. Ага! Сейчас!

Мы росли, периодически дрались, мирились, отравляли друг другу жизнь, что не мешало нам выступать единой командой во всех шалостях. А потом внезапно случилась Магда. Родители тоже были обескуражены, но обрадовались. И в итоге Генри двадцать один год, мне двадцать, а Магде тринадцать.

— Ну так чего? — нетерпеливо притопнула она ногой. — Куда идем? Когда?

— За ледяной скульптурой.

— О-о-о! — выдохнула она. — Я в деле! Давайте что-то типа белочки? Большую штуку мама не разрешит поставить.

— А это как получится. Сами же знаете, неизвестно, что там окажется. — Генри задумчиво потер подбородок и скомандовал: — Итак, банда, бегом одеваться. Не забудьте теплые штаны, носки, сапоги на меху, свитеры. Лично проверю. Кто будет без вязаных штанов с начесом, на вылазку не пойдет.

Я только фыркнула. Магда показала ему язык, но не спорила: были у нас уже прецеденты, когда кое-кто тепло не оделся, потом ныл всю дорогу, что холодно, и простыл. А родители потом нам с Генри всыпали за то, что мелкую заморозили.

Сестренка убежала, а брат спросил меня:

— Откуда идея?

— Надин звонила. Ее отец наморозил целую инсталляцию из ледяных животных.

— Ясно. Нет, инсталляцию никак, но одного-двух, думаю, найдем. Мороз стоит крепкий, наверняка уже намерзло что-то интересное. Только надо поспешить, пока родители не вернулись.

Я ойкнула и бросилась одеваться.

Спустя полчаса мы втроем стояли у подножия гор, где у нашей семьи имелся маленький домик. Мы приезжали сюда отдыхать, кататься на лыжах, сидеть у камина… Папа уходил ловить рыбу на озере. Мы… по-разному. Но в целом место было хорошее, нам здесь нравилось.

— И куда? — в нетерпении покрутилась на месте Магда.

— К озеру. Там, где сосны к берегу спускаются. Именно там всегда намерзает странное. Забыла? А хотя мы же года четыре туда не ходили, ты мелкая была — поэтому не помнишь.

Было у озера одно интересное место. По непонятной причине там всегда снег собирался в причудливые сугробы, намерзали ледяные кристаллы в невероятных формах — и не только геометрических, как снежинки, бывали и абстрактные, а часто — будто настоящие звери и птицы, но изо льда.

Вероятно, бил там из-под земли источник силы, а может, и не один. Скорее всего, стихии воды и воздуха. И, вот пересекаясь снаружи, они вместе создавали дивные творения. Я не знала причин такой магии, но место было словно из сказки.

Не таяли такие ледяные фигуры порой месяцами. Мы, естественно, их притаскивали домой, если случалось найти что-то интересное. Однажды у нас до самого лета стояла ледяная штуковина размером с чемодан, которая с одного ракурса напоминала ромашку, а если смотреть с другого — словно странная рыбина с растопыренными плавниками.

Мы ее чудом доволокли тогда до дома. Применять магию к этим ледяным скульптурам, созданным самой природой и стихиями, нельзя, иначе они лопаются и осыпаются ледяной крошкой.

А вот ручками, ножками, санками, волоком, перекатывая, толкая как угодно, — это можно. Они очень крепкие, разбить их практически нереально, пока сами не растают, каждая в свой собственный срок.

Единственный вид магии, который такие ледяные фигуры переносят, — это стационарные порталы, которые устанавливают в зданиях. Так что до жилья — на себе, там можно через домашний портал переместить в другую локацию, а дальше, в помещении, снова на себе до нужной комнаты.

Мы деловито направились к этому зачарованному месту, переговариваясь по пути и пытаясь угадать, что там могло намерзнуть в этот раз. Магда оживленно рассуждала, что нам под елку очень подошли бы зверюшки. И что больших мама не разрешит, поэтому белку бы. Или зайчика. Не по-настоящему, а что-то похожее.

Генри только закатывал глаза. Он-то уже взрослый парень и понимал, что тут не угадаешь. Что-то наверняка уже намерзло. Но что? Загадывать бесполезно.

Я просто хотела, чтобы оказалось хоть что-то интересное. Мало ли, мы четыре года туда не ходили. Вдруг все сломалось или исчезло?

— Илонка, замуж когда? — ехидно спросил брат.

— Генри, женишься когда? — ответила я вопросом на вопрос.

— Ну ты спросила… Я-то мужчина. Мне нужно погулять, увидеть мир, сделать карьеру.

— Да-да, а я учусь в академии на целителя, как раз чтобы быстрее выйти замуж. А путешествовать я вовсе не хочу, мечтаю перемещаться исключительно с кухни в детскую, а еще в храм.

— Злюка! — фыркнул брат. — Все равно же выйдешь рано или поздно. Чего отказала соседскому тюфячку?

— А ты почему не захотел сделать предложение соседской подушечке?

Мы переглянулись и рассмеялись в голос. По соседству жила семья, чьи дети были нашими ровесниками. Но дружбы меж нами никогда не складывалось, хотя, казалось бы, были соседи все такие мягкие, неторопливые, спокойные. Вкусно поесть, медленно прогуляться, полежать на травке, снова поесть — уже на пикнике, — почитать книгу в беседке. И все их интересы были такие же мягкие и медленные. А нас они считали слишком подвижными, слишком активными, слишком непоседливыми.

Нет, они хорошие люди. Как соседи — лучше не придумаешь. Но дружить у нас не выходило. Хотя родители, конечно же, не стеснялись нас сватать. Меня с Джо́йсом, ровесником Генри. А его, соответственно, с Ли́дией, моей ровесницей.

Нет-нет-нет.

— Ох, давайте лучше постелем тюфячок и посмотрим на облака, — передразнивая интонации Джойса, сказал мой старший брат.

— И надо не забыть подушечки, мальчики, а то жестко без них, — жеманно копируя Лидию, добавила я.

Мы с Генри снова переглянулись и захихикали, как гиены. Мама нам бы сейчас обоим по шее надавала за кривляние.

— Ва-а-ау! — раздался вдруг возглас Магды, убежавшей вперед. — Вот это да-а-а!

Мы поспешили к ней, вынырнули из-за сосны, загораживающей широкими лапами обзор, и застыли.

Я вытаращилась и сдавленно булькнула. Подбежала к младшей сестре и закрыла ей ладошкой глаза.

Впрочем, Магду это ничуть не смутило, она просто аккуратно раздвинула мои пальцы, образовав щелочку,

и продолжила таращиться на творение стихий и природы. Приличия соблюдены, она вроде как не видит.

А вот я во все глаза рассматривала голого молодого мужика. Совсем голого. Прямо вот абсолютно. То есть, конечно, не мужика. А ледяную скульптуру в виде обнаженного высокого мужчины. Очень красивого, должна заметить. И фигура, и стать, и плечи такие… Гордая посадка головы. Волосы небрежно растрепаны. Руки мужчина держал на весу, одну словно протягивая к нам на уровне живота, а второй замахивался. Ну, то есть не мужчина, а намерзший в такой невероятно достоверной гуманоидной форме лед.

— С ума сойти! — выдохнула я. — Он же как настоящий!

— Не то слово, — протянул Генри.

И тут вдруг до него дошло, что две его сестры смотрят на ледяную статую обнаженного мужчины. При этом природа реально решила пошутить и все выполнила абсолютно достоверно анатомически. То есть то, что ниже пояса, и то, что приличным девушкам до замужества видеть не стоит, тут прямо на обозрении.

— А ну быстро зажмурились, бесстыдницы! — рыкнул он на нас.

Магда противно, ехидно захихикала и посильнее раздвинула мои пальцы. Я только закатила глаза:

— Генри, я целитель. Я трупы в анатомичке препарирую.

— Это другое! — сдирая с шеи шарф, рявкнул он и принялся делать статуе импровизированную набедренную повязку.

— Конечно. Это не труп, это всего лишь вода, которую ветер закрутил в причудливую форму, а мороз превратил в лед.

— Мама упадет в обморок, — с восторженным предвкушением сказала Магда.

Мы с Генри переглянулись. Он замер и перестал одевать скульптуру, потом фыркнул:

— Это мама-то?

Мамуля у нас — непробиваемый кремень.

— А уж как папа обрадуется, — добавила я, с трудом пытаясь сдержать смех.

— Дедушка оторвет нам головы, — почесал затылок Генри. — Надо искать что-то другое.

— Ты что?! С ума сошел — такую красоту тут оставить?! — хором взвыли мы с сестренкой.

— Самому жалко, — ухмыльнулся Генри и зачем-то пощупал ледяному мужчине бицепс. Удрученно цокнул языком и покосился на свою руку.

Ну, таки да, до атлетически сложенного ледяного красавца Генри пока далеко.

— Как потащим? — деловито спросила Магда, выпуталась из моих рук и подошла к статуе.

Генри успел спрятать под шарфом непотребство, так что девчонка вела себя свободно. Да и, по секрету, все она уже видела на картинках. Таскала у меня учебники, думая, что я ничего не вижу. И не только учебники. Мой учебный манекен, разбирающийся на части, периодически лишался каких-то частей тела, пока Магда, спрятавшись где-нибудь, изучала строение этой части тела, сверяясь с учебником.

Вообще-то, она тоже маг жизни и, скорее всего, станет целителем, как я. Ну и к тому же мы обе надеялись, что сможем помочь прабабушке, хотя бы поддерживая ее силы. Я именно по этой причине и пошла учиться на целителя.

— Родители нас убьют, — с предвкушением протянул брат и потер руки. — Девчонки, придется поднапрячься. Один я этого мужика не дотащу.

Что ж…

Это был нелегкий и небыстрый, но очень веселый аттракцион.

Весил ледяной мужик примерно как настоящий. А может, и больше. Был он голый, скользкий, холодный, неудобный. Растопыренные руки торчали и мешали. Магда переживала, что у него случайно отколется и отвалится то, что сейчас стыдливо пряталось под шарфом Генри.

— Лучше бы ты переживала, что у твоего единственного старшего брата сейчас спина отвалится, — пыхтел этот самый брат и тащил нашу ледяную скульптуру.

— Тебя Илонка починит, она уже почти лекарь. А вот этому бедняжке уже ничто не поможет.

— Отдых! — скомандовал Генри.

Он уложил на спину нашу будущую гордость праздничного убранства к Новому году. Утер пот со лба и присел на грудь скульптуры. Мы с Магдой обменялись взглядами и бросились занять по местечку. Мелкая проныра успела первой и плюхнулась поближе к шарфику. Мне достались ноги.

А чтобы кое-чьи бессовестные ручонки не пытались приоткрыть скрытое от глаз вязаным аксессуаром, я быстро шлепнула туда свою ладонь.

Сестра возмущенно засопела и прищурилась на меня. Я сделала строгое лицо. Генри только устало смотрел на небо. Но вдруг сопение Магды сменило тональность и перешло в хихиканье.

— Илона, убери ладонь с мужского достоинства нашей скульптуры, — попросил брат.

— Чего?! — обалдела я. Перевела взгляд на свою руку и быстро ее отдернула.

Магда хохотала. Генри подкалывал меня. Я… краснела, а потом тоже смеялась.

Ну как же только не шутит природа и стихии… Слов нет. Но Надин сдохнет от зависти, когда увидит это творение изо льда. Это не зайчик и не лисичка. Тут о-го-гошеньки какая красота!

Лишь бы сами не сдохли, когда родители, увидя нашу добычу, поймут, где мы ее взяли, и решат нас немножко повоспитывать.

Путь был непрост, но он закончился вместе с транспортировкой. Притащили мы это чудо природы, установили в гостиной рядом с елью, повернули так, чтобы в глаза не бросалось все самое важное ниже пояса.

Потом Генри снял с ледяной скульптуры свой шарф, и мы попрятались по своим комнатам переодеваться, отогреваться и прятать улики.

Так-то оно, конечно, и так ясно, что ледяной голый мужчина не сам зашел в наш дом и встал у елки, но все же лучше, если наше участие в его появлении будет не так очевидно с первого же взгляда. Пусть сначала родители немножко без нас восхитятся.

И все остальное тоже.

Что ж… Кажется, мы сумели порадовать дорогих маму с папой. Потрясение они точно испытали. Сначала потрясся пол, оттого что упало что-то тяжелое. Следом сотрясся весь дом от рева раненого бизона… ой, что это я… — от вопля дорогого папеньки.

Мама молчала. Эта достойная женщина уже давно поняла, что дети у нее получаются очень красивые — это я про нас всех троих, если что, — но очень шебутные. Мы все пошли в папину породу — жгучие смуглые брюнеты с большими карими глазами. Худые, высокие и подвижные, как муравьи. Папа был такой же, только, в силу возраста, уже не такой активный.

В общем, наша миниатюрная, белокожая, голубоглазая, светловолосая маменька давно смирилась, что в муравейнике, который ее муж и его родня ошибочно называют домом, всегда что-то происходит. Поэтому воспринимала мир по-философски и медитативно.

Просто каждый раз, когда трое ее отпрысков что-то такое вытворяли, она говорила горячо любимому мужу: «Милый, твои дети устроили безобразие. Разберись».

Папенька орал и разбирался. Но иногда сначала продолжал безобразие с нами, если оно было особенно интересное. И только потом мы все вместе разбирались с последствиями. Мама в это время пила чай, кофе, компот, лимонад, малиновую наливку или успокоительные капли из папиного подвала, прямо из дубовых бочек телепортируя в свой хрустальный бокал. Ничуть ее не осуждаю, к слову. Мы с Генри пробовали эти успокоительные капли. Очень… забористые. Один раз так напробовались, что потом пугали рычанием кусты и долго отпивались огуречным рассолом. Это мы у конюха подсмотрели, он говорил, что помогает. Реально помогает.

Вот и сейчас, больше чем уверена, мама от неожиданности что-то уронила. Потом сказала мужу:

— Дорогой, твои дети притащили в дом голого мужика. Разберись.

А папенька сначала заглянул и убедился, что мужик этот реально голый со всех сторон, потом ему стало интересно, где мы его взяли, и только затем он начал орать:

— Вы зачем притащили в дом голого мужика?!

Мы с Генри и Магдой обменялись взглядами. Я потерла пальцы, сложенные в щепотку, и сделала жест, чтобы мне отдали мой выигрыш. А что? Мы же поспорили, как именно папа будет орать.

Я не мудрствовала. Так прямо и предположила, что сначала папа спросит, зачем мы это сделали, а потом уточнит, что именно, и непременно упомянет, что голого.

Магда, наивный ребенок, предполагала, что он станет кричать: где вы взяли ледяную статую? Ха! А то неясно — где. Можно подумать, папа сам с нами не притаскивал оттуда, и не единожды, что-то, с чем мама выгоняла нас обратно на мороз.

Генри предположил, что дорогой родитель постесняется кричать при маме и при нас с сестрой про голого мужика и спросит прилично, мол, дорогие отпрыски, мало вас наказывали, вы зачем заняли гостиную здоровенной ледяной статуей?

Наивный какой, ей-боги. Когда это папа стеснялся мамы? К тому же мама после успокоительных капель из дубовой бочки в подвале и сама может сказать что-то крепкое.

Короче, я выиграла.

Генри скорчил зверскую рожу, запустил руку в карман и отдал мне серебрушку. Магда поджала губы и попыталась избежать расплаты по пари, мол, она еще ребенок. Ха!

И я стала на две серебряные монеты богаче. А папа начал подниматься наверх, нарочито громко топая